

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 165.0

DOI: 10.17223/1998863X/51/1

А.Г. Андрушкевич

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС АСКРИПТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В ОБЫДЕННОМ ЯЗЫКЕ¹

Ставится вопрос об онтологической специфике аскриптивных выражений. Демонстрируется, что описательное выражение не является с необходимостью дескрипцией. Приводится обоснование применимости понятия аскриптивности Г. Харта применительно к обыденному языку.

Ключевые слова: язык, онтология, аскрипция, дескрипция, Г. Харт.

А. Стролл в своей книге «Аналитическая философия двадцатого века» подвергает критике так называемую аксиому референции. В его формулировке она выглядит следующим образом: «Не может быть референции к тому, чего не существует» [1. Р. 225]. В определенном смысле мы вынуждены согласиться с теми подозрениями, которые высказывает американский философ, поскольку референциальная функция языка оказывается неосуществимой тогда, когда не имеет места то, на что происходит указание. В этой связи мы обнаруживаем тесную, даже неразрывную, связь между языком и некой реальностью, которую этот язык описывает. У. Куайн, видя эту связь, утверждал, что задача современной философии заключается в «описании наиболее общих черт объективной реальности» [2. Р. 5], из чего следует, что приоритетной для нее оказывается именно онтологическая проблематика. Мы также полагаем, что целью философского исследования языка является выявление тех его механизмов, которые нагружены онтологически, т.е. позволяют определить и идентифицировать то, что имеет место.

Одним из способов осуществления референциальной функции языка является определенная дескрипция. Б. Рассел утверждал, что «фраза является обозначающей только ввиду своей формы» [3. С. 18]. Очевидно, что данное положение распространяется как на неопределенные, так и на определенные дескрипции лишь с той разницей, что некое языковое выражение в силу своей формы может стремиться либо к описанию двух и более объектов, либо к описанию одного и только одного объекта. В первом случае языковое выражение будет представлять собой неопределенную дескрипцию, тогда как во втором – определенную. Однако есть еще третий вариант, когда некоторое языковое выражение не описывает ни одного объекта. Описания, которым не соответствует ни один объект, мы будем называть неудачными дескрипциями. Очевидно, что выражение «единственный единорог, живущий в доме

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

Джона» стремится описать один единственный объект и, соответственно, осуществить к нему референцию. Не менее очевидно (во всяком случае для Джона, который однозначно не имел возможности наблюдать единорога и тем более делить с ним дом) также и то, что нет никакого объекта, удовлетворяющего данному описанию. Как для Джона, так и для любого адекватного носителя языка, знающего, что единорог – это белоснежный конь с одним рогом, выходящим из лба, не составит труда определить, что данная определенная дескрипция не описывает ни одного имеющего место объекта, т.е. данная дескрипция контринтуитивна. Тем не менее мы убеждены, что встречаются такие описательные выражения, которые интуитивно должны описывать некоторый объект, тогда как в действительности нет никакого объекта, удовлетворяющего данному описанию.

Однако описанная ситуация не представляет собой никакой проблемы, тем более философской. Нам известно множество дескриптивных выражений, которые, стремясь описать некоторый объект, тем не менее ничего и никого не описывают. К примеру, дескрипции «летающий слон» или «десятиметровый человек». Очевидно, что эти и другие подобные описания являются контринтуитивными не только в том смысле, что противоречат повседневному опыту, но и потому, что они не выступают основанием для какой-либо деятельности. Как мы обозначили выше, они являются неудачными дескрипциями. Однако, на наш взгляд, в обыденном языке встречаются такие языковые выражения, которые, во-первых, в силу своей формы являются описательными, но тем не менее не являются дескрипциями, и, во-вторых, не являются контринтуитивными, то есть не противоречат повседневному опыту. Мы полагаем, что основанием для различения неудачных дескрипций и описательных языковых выражений, не являющихся дескрипциями, выступают повседневный опыт носителей языка и те внеязыковые последствия, к которым приводит их употребление.

Подвергая критике принцип, который Стролл называет аксиомой референции и про который он пишет, что «он, без сомнения, является ложным» [1. С. 226], мы подходим к необходимости пересмотра наших взглядов на характер функционирования языка, и в частности референции. Мы полагаем, что монополия референции на язык, которая всячески поддерживается различными современными теориями, должна быть отброшена, поскольку она существенно искажает наши представления о языке. Так, чрезвычайно мало исследований посвящено феномену аскриптивности языка, который, помимо прочего, с легкой руки Г. Харта сегодня обсуждается преимущественно в рамках юридического языка. На наш взгляд, как минимум некоторая часть описательных выражений, не являющихся дескрипциями, является аскрипциями. В отличие от дескрипций, которые представляют собой вариант референции к объекту, аскриптивные выражения – это способ конструирования реальности. Монополия референции на язык в некотором смысле скрывает от нас всю полноту функционирования языка и его корреляции с действительностью. Настоящим исследованием мы намерены прояснить ситуацию с такими интуитивно верными описательными выражениями, которым не только не удовлетворяет ни один объект, но которые сущностно не являются дескрипциями. Мы полагаем, что прояснение настоящей ситуации позволит расширить наши представления об обыденном языке. Именно в этой связи

мы беремся за настоящую работу, которая предполагает выявление онтологической специфики указанных языковых выражений.

В качестве примера описательного языкового выражения, которое, однако, не является дескриптивным, мы рассмотрим выражение «преступление, которое совершил Билл». Очевидно, что рассматриваемое предложение является описательным в силу своей формы. Интуитивно можно предположить, что оно описывает некоторое положение дел, суть которого в том, что Билл преступил букву закона. При некоторых обстоятельствах оно также может являться определенной дескрипцией (в ситуации, когда Билл совершил одно и только одно преступление в своей жизни). Поскольку по форме рассматриваемое выражение является описательным, мы предположим, что оно является дескрипцией. Если выражение «преступление, которое совершил Билл» является дескрипцией, и притом определенной, то также возможны два варианта его употребления, о которых пишет К. Доннелан. Это референциальный и атрибутивный способы употребления определенных дескрипций [4]. Отметим, что «при референциальном употреблении дескрипции объект, который агент описывает, дан агенту независимым от описания образом; при атрибутивном употреблении объект дан только посредством дескрипции» [5. С. 19]. Можно предположить, что в ситуации, когда выражение «преступление, которое совершил Билл» является определенной дескрипцией и употребляется референциально, осуществляется референция, т.е. указание на некоторый единственный объект. Очевидно, что речь идет о некотором положении дел, в котором Билл нарушил существующее и распространяющееся на него положение закона. Мы думаем, что сторонники теории референции, в частности теории дескриптивизма, согласятся с этим утверждением. Однако мы полагаем, что это не так, и далее постараемся объяснить почему.

Представим два возможных мира, которые полностью совпадают за исключением одной детали. В первом возможном мире (обозначим его w-1) есть понятие преступления и преступлением, помимо прочего, считается ограбление. Во втором возможном мире (обозначим его w-2) такого понятия нет и, соответственно, ограбление преступлением не считается. В этом их единственное различие. Далее, в обоих возможных мирах происходят следующие события. Женщина идет по улице и держит в руке свою сумочку. С другой стороны улицы эту картину наблюдает мужчина, у которого есть намерение отобрать у женщины сумочку и скрыться с ней. Другими словами, он намеревается ее ограбить. Он следует за ней, держась на расстоянии, как вдруг подбегает, хватается сумочку и начинает тянуть ее на себя. Какое-то время мужчина и женщина борются за сумочку, перетягивая ее. Но в конечном итоге мужчина оказывается сильнее, отбирает сумочку и поспешно скрывается с ней.

В возможном мире w-1 мужчина совершил преступление, а именно ограбил женщину. В возможном мире w-2 мужчина хотя и ограбил женщину, тем не менее преступления не совершал просто потому, что в возможном мире w-2 нет понятия преступления. Как видно из этого примера, такое действие, как силой отобрать у какого-либо человека сумочку, принадлежащую этому человеку, против воли этого человека не является преступлением по своей сути. Более того, даже такое событие, как то, что произошло в возможных мирах w-1 и w-2, не является преступлением по своей сути или природе. Од-

нако в возможном мире w-1, где есть понятие преступления, оно все-таки будет расценено как преступление.

Несколько модифицируем данный пример. Представим два возможных мира w-1 и w-2. В возможном мире w-1 есть понятие преступления и преступлением считается ограбление. В возможном мире w-2 тоже есть понятие преступления, но преступлением считается только жульничество в карточных играх. Это единственное их различие. В обоих возможных мирах происходит ограбление женщины, описанное выше. Однако теперь также известно то, что ограбление совершил Билл, и это первый раз, когда он кого-то ограбил. Более того, Билл ранее никогда не совершал ничего такого, что в возможном мире w-1 считается преступлением, и ни разу в жизни не жульничал во время игры в карты. В таком случае для возможного мира w-1 языковое выражение «преступление, которое совершил Билл» интуитивно должно указывать на единственное действие Билла, которое в возможном мире w-1 можно квалифицировать как преступление. В возможном мире w-2, соответственно, данное выражение ни на что не указывает.

Возникает вопрос, является ли дескриптивным выражение «преступление, которое совершил Билл»? На первый взгляд создается впечатление, что да, в силу своей формы, о чем говорилось в начале работы. Интуитивно можно заключить, что описанию «преступление, которое совершил Билл» удовлетворяет одно и только одно определенное положение дел в мире w-1, в котором Билл совершает описанные выше действия, т.е. грабит женщину. Однако если в мире w-2 Билл совершает точно такие же действия, то как же объясняется то, что для возможного мира w-2 данное языковое выражение ни на что не указывает, хотя событие имело место в обоих возможных мирах?

Ответ на данный вопрос, как мы полагаем, дает юридический позитивизм Герберта Харта. Одним из центральных понятий его концепции является понятие аскриптивности. Харт пишет: «В нашем... языке существуют предложения, чья первичная функция состоит не в том, чтобы описывать вещи, события, лиц... но в том, чтобы производить действия, например заявлять о правах... признавать права, заявленные другим... приписывать права... передавать права... а также признавать, приписывать или вменять ответственность» [6. С. 343]. И далее: «Предложения „Я сделал это“, „Вы сделали это“, „Он сделал это“ представляют собой первичные высказывания, посредством которых мы признаем или допускаем обязанность, выдвигаем обвинения либо приписываем ответственность» [Там же. С. 360]. По мысли Харта, одним из аспектов юридического языка является приписывание. В ситуации, когда Алекс заявляет: «Это мое», – имея в виду сотовый телефон, он приписывает себе определенные имущественные права на предмет. Безусловно, в нашем мире имеет место множество правовых систем, следовательно, характер приписываемых прав определяется спецификой правовой системы, которая распространяется на агента речи или в которую он погружен. Может показаться, что Харт ограничивает сферу применения аскрипции, постулируя аскриптивность как свойство юридического языка. Однако мы полагаем, что аскриптивность представляет собой свойство не только юридического языка, но и обыденного. Более того, мы полагаем, что, в сущности, Харт в своей концепции не просто сужает сферу применения понятия аскрипции, но и упускает значимый ее аспект – онтологический.

В ситуации с языковым выражением «преступление, которое совершил Билл», которое является описательным в силу своей формы и которое стремится описать одно и только одно положение дел, не осуществляется референции. Мы не квалифицируем рассматриваемое выражение как неудачную дескрипцию, поскольку утверждаем, что фраза «преступление, которое совершил Билл» не является дескрипцией, несмотря на свою форму. На наш взгляд, рассматриваемая фраза является не описанием некоторого положения дел, а приписыванием определенного статуса.

Итак, давайте еще раз вернемся к возможным мирам $w-1$ и $w-2$. Напомним, что единственное различие между ними заключается лишь в том, что считается преступлением. Итак, Билл и в $w-1$, и в $w-2$ никогда не жульничал, играя в карты, и описанный случай – это первый раз, когда он кого-либо ограбил. Однако событие, которое в мире $w-1$ квалифицируется как преступление, имеет место и в $w-2$. В возможном мире $w-2$ мы, соответственно, не имеем никаких оснований для того, чтобы квалифицировать действия Билла как преступление. На основании этого мы делаем вывод о том, что одно и то же положение дел в одном возможном мире может быть квалифицировано как преступление, тогда как в другом – нет. Следовательно, положение дел, при котором Билл грабит женщину, само по себе еще не является преступлением. В случае с $w-1$ мы приписываем статус «преступления» действиям Билла. На основании этого мы делаем вывод о том, что преступление как таковое не имеет места.

Ситуация, при которой преступлений не существует, нас не устраивает. Квалификация выражения «преступление, которое совершил Билл» в качестве неудачной дескрипции, на наш взгляд, также в корне неверна. Интуитивно мы полагаем, что преступление должно иметь место, в противном случае вся правоприменительная практика основывалась бы на иллюзии существования неких преступлений и правонарушений. Однако благодаря аскриптивности, которую мы определяем как фундаментальное свойства языка, настоящая проблема разрешается. Итак, положение дел, при котором Билл совершает ограбление, имеет место в обоих возможных мирах, однако, в случае с $w-1$ мы приписываем ему статус преступления, поскольку у нас имеются достаточные для этого основания. В случае с $w-2$ мы этого не делаем, так как у нас нет для этого никаких оснований. Мы могли бы поступить в точности наоборот: в возможном мире $w-1$ не приписывать статуса преступления действиям Билла, но сделать это в $w-2$. В таком случае мы, очевидно, совершили бы ошибку: наши основания для приписывания статуса преступления действиям Билла в $w-2$ не выдерживают никакой проверки. Давайте представим ситуацию в $w-2$, в которой Джон обращается к Алексу со словами: «Преступление, которое совершил Билл, повергло меня в шок», – на что Алекс вполне может ответить: «Я не ожидал, что Билл окажется шулером». Очевидно, что приписывание статуса без достаточных на то оснований не выдержит проверки практикой языка, с необходимостью приведет к недопониманию. Мы утверждаем, что факт ошибки при приписывании статуса неизбежно обнаружится. И после обнаружения ошибки приписанный статус будет необходимо отменить.

Мы коснулись еще одного аспекта теории юридического языка Герберта Харта – отменяемости юридических высказываний. Под отменяемостью пра-

вовых понятий Харт понимает то, что они «подвержены аннулированию или „отмене“ по ряду различных обстоятельств, но сохраняются нетронутыми, если такие обстоятельства не наступили» [7. С. 248]. Логично предположить, что и аскриптивность, и отменяемость касаются исключительно юридического языка и к обыденному никакого отношения не имеют. Но, на наш взгляд, Харт все-таки существенно сужает поле применимости базовых понятий своей теории. Мы полагаем, что и отменяемость, и аскриптивность представляют собой свойства языка вообще, а не только юридического языка. И далее мы постараемся предоставить свои соображения по этому поводу.

Первое, о чем необходимо сказать, это то, что языковое выражение «преступление, которое совершил Билл» не является с необходимостью выражением юридического языка. Определяющим фактором для определения выражения как принадлежащего юридическому либо обыденному языку является контекст его употребления. Сторонники теории прямой референции, такие как Д. Каплан и Дж. Перри, закрепляют роль контекста в осуществлении референции. К примеру, демонстративы и индексалы, референт которых напрямую определяется конкретной ситуацией их употребления [8]. Определяющая роль контекста для прояснения характера функционирования языка также признается и Джоном Перри, который учитывает не только такие контекстуальные параметры, как агент, время, место и т.п., но и чистые демонстрации, характер ситуации употребления выражения и пр. [9]. Точно также контекст употребления выражения «преступление, которое совершил Билл» позволяет определить принадлежность к определенному дискурсу (например, правовому). Непосредственно юридические высказывания имеют отношения к правоприменительной практике, судопроизводству и т.д. В то же самое время случаются и ситуации употребления тех или иных выражений вне юридического дискурса, но косвенно отсылающих нас к нему. Это, однозначно, будут высказывания обыденного языка. Несложно предположить вполне повседневную ситуацию: Джон в разговоре со своим братом комментирует недавно прочитанный им в криминальной сводке сюжет предложением: «Преступление, которое совершил Билл, ужасно». На наш взгляд, очевидно, что данное предложение в данном контексте лишь косвенно отсылает нас к юридическому дискурсу и, будучи лишь косвенно правовым, все-таки является предложением обыденного языка. Безусловно, квалификация действий Билла как преступления, т.е. приписывание им соответствующего статуса, происходит, так сказать, в рамках юридического языка, из чего не следует, что всякое дальнейшее употребление данной аскрипции с необходимостью происходит именно в юридическом, а не в обыденном языке. Более того, Джон непосредственно не совершает никакого нового приписывания, а лишь соглашается к квалификации действий Билла как преступления. Нельзя также сказать, что если полицейский или государственный обвинитель квалифицировали действия Билла как преступные, то все дальнейшие употребления выражения «преступление, которое совершил Билл», относящиеся к обыденному языку, теперь являются дескрипциями. Однажды совершенное приписывание не является гарантом того, что ситуация не поменяется. Как было показано выше, любой приписанный статус может быть отменен. Приведенный ранее пример с возможными мирами w-1 и w-2 достаточно убедительно, на наш взгляд, демонстрирует несостоятельность попыток опреде-

лить рассматриваемое высказывание как дескриптивное. Однако мы ожидаем, что приведенная выше аргументация в пользу того, что выражение «преступление, которое совершил Билл» не является с необходимостью выражением юридического языка, может показать недостаточной. Ниже мы рассмотрим еще один пример употребления аскрипции в быденном языке.

Итак, давайте представим себе следующую ситуацию. Джон смотрит по телевизору трансляцию футбольного матча. В первом тайме происходит следующая ситуация: игрок одной из команд забивает мяч в ворота. Джон комментирует произошедшее словами: «Это был первый гол Джорджа Беста в этом сезоне». Однако рефери не засчитывает взятия ворот и в своем решении основывается на том, что в момент начала паса, который стал голевым, принимающий передачу футболист находился в положении «вне игры». Поняв, что произошло и почему гол не засчитан, Джон произносит: «Офсайд, в котором оказался Джордж Бест, было легко не заметить». Теперь давайте разберемся в том, что произошло на футбольном поле, и том, как произошедшее комментировал Джон.

Сперва обратимся к первому высказыванию Джона. Очевидно, что фраза «первый гол Джорджа Беста в этом сезоне» является описательной по своей форме. Однако она, как мы полагаем, не является дескриптивной, но представляет собой аскрипцию. Рассматриваемым выражением Джон приписывает статус взятия ворот определенному положению дел, при котором мяч полностью пересек линию ворот и при этом ни один из игроков команды, забившей гол, не нарушил правила. Поскольку Джон основывается лишь на увиденном на экране, он полагает, что у него есть все основания для того, чтобы квалифицировать произошедшее на поле как взятие ворот. В частности, он имеет пресуппозицию того, что мяч полностью пересек линию ворот и не было нарушений правил. Другими словами, Джон приписывает данному положению дел статус взятия ворот, руководствуясь определенным правилом и имея некоторые основания полагать, что ситуация полностью им соответствует. Безусловно, можно возразить, что конечное слово в футбольном матче остается за арбитром, и у Джона нет определенных полномочий засчитывать гол или не засчитывать. Однако мешает ли нам что-нибудь сформулировать пример, в котором Джон будет наблюдать за тем, как дети во дворе его дома играют в футбол?

Перейдем к факту отмены гола. Рефери, располагая достаточными основаниями, которые он, вероятно, получил от боковых арбитров, не находит возможным квалифицировать описанное выше положение дел как взятие ворот. Основанием для этого выступает то, что в соответствии с правилом «вне игры» он квалифицирует ситуацию как офсайд. Аналогичным образом и Джон, основываясь на тех же сведениях о положении игроков на поле относительно друг друга, соглашается с решением судьи и фразой «офсайд, в котором оказался Джордж Бест» приписывает уже иной статус рассматриваемому положению дел. Очевидно, что это оказывается возможным благодаря свойству отменяемости языковых высказываний, в частности аскрипций.

На наш взгляд, рассмотренный пример с футболом однозначно демонстрирует ситуацию употребления аскрипций вне юридического дискурса. Мы согласны с тем, что ситуация на футбольном поле имеет нечто общее с правовыми примерами их употребления: и «преступление, которое совершил

Билл» и «первый гол Джорджа Беста в этом сезоне» приписывают соответствующим положениям дел некоторый статус на основании определенного правила. В первом случае этим правилом выступает действующее положение закона, тогда как во втором – правило взятия ворот в футболе. Однако данное обстоятельство не является достаточным основанием для того, чтобы определить оба языковых выражения как принадлежащие к юридическому дискурсу. Более того, если вторая фраза, вероятнее всего, не имеет к нему отношения (если, конечно, мы не предполагаем, что она произносится во время судебного разбирательства по поводу, например, договорного матча или употребления допинга), то и первая фраза может фигурировать в неправоном контексте.

По мысли Стролла, аксиома референции является ложной постольку, поскольку в «в обыденной речи люди с одинаковым успехом говорят как о существующих предметах, так и о несуществующих» [10]. Про такие объекты, как гол в футболе или преступление, нельзя сказать, что они существуют, как мы говорим о столе или ноутбуке, поскольку аскриптивность языка предполагает конструирование реальности посредством введения нового объекта. Новый объект, гол или офсайд в футболе, вводится как бы «поверх» некоего существующего положения дел. И, как мы знаем, не только футбольные фанаты много говорят о голах и офсайдах, которые не существуют вне практики языка, но офсайд становится основанием для выполнения свободного удара. Нечто несуществующее вне языка оказывается достаточным основанием для некой деятельности.

Литература

1. *Stroll A.* Twentieth-Century Analytic Philosophy. New York, 2001. 304 p.
2. *Quine W.V.O.* Word and object. Cambridge : MIT Press, 1960. 294 p.
3. *Рассел Б.* Об обозначении : избранные труды / вступит. статья В.А. Суровцева; пер. с англ. В.В. Целищева, В.А. Суровцева. Новосибирск : Сиб. ун-в. изд-во, 2009. 260 с.
4. *Donnellan K.S.* Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304.
5. *Борисов Е.В.* Референциальное употребление определенных дескрипций: семантический и прагматический подходы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2014. № 4 (16). С. 18–25.
6. *Харт Г.Л.А.* Приписывание ответственности и прав // *Касаткин С.Н.* Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара, 2014. С. 343–367.
7. *Харт Г.Л.А.* Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007. 302 с.
8. *Kaplan D.* «Demonstratives», *Themes from Kaplan* // *J. Almog, J. Perry, H. Wettstein (eds.)*. Oxford : Oxford University Press, 1989.
9. *Perry J.* Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents // *Computing Natural Language / A. Aliseda, Rob van Glabbeek, Dag Westerstaahl (eds.)*. Stanford, CA : CSLI Publications, 1998.
10. *Макеева Л.Б.* Некоторые соображения о связи между референцией и онтологией // *Epistemology & Philosophy of Science*. 2010. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-soobrazheniya-o-svyazi-mezhdu-referentsiy-i-ontologiy> (дата обращения: 14.08.2019).

Alexandr G. Andrushkevich, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: andryusha.fsf@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 51. pp. 5–13.

DOI: 10.17223/1998863X/51/1

THE ONTOLOGICAL STATUS OF ASCRIPTIVE EXPRESSIONS IN ORDINARY LANGUAGE

Keywords: language; ontology; ascription; description; Hart.

The criticism of “axioms of reference” leads us to a revision of existent views on the character of language functioning and ways of its connection with the reality. One of the ways to connect language and reality is reference, which modern analytic philosophy pays great attention to. At the same time, other aspects of language, the phenomenon of ascriptivism for instance, lack attention. In everyday language, there are expressions which are descriptive in the form but they do not describe any objects. Nevertheless, first, they are not counterintuitive, and, second, their usage leads to different extralinguistic consequences. The specificity of such expressions is being distinguished, and their connection with ontology is being identified. The example of a linguistic expression “the crime that Bill committed” demonstrates that some descriptive expressions are not really descriptions. The use of the expression “the crime that Bill committed” in two possible worlds is different only because crime is defined in different ways in each of the worlds. In case of the first possible world w-1 it is reasonable, whereas in case of the world w-2 it is not. In spite of the fact that a particular situation has happened in both of the possible worlds, in the possible world w-2 there was no occasion which can be indicated by the phrase “the crime that Bill committed”. It is concluded that some descriptive expressions do not tend to describe a certain object, but ascribe a certain status to an object. Herbert Hart elaborates the idea of ascription. Ascriptivism by Hart is a characteristic of the language of law. In the article, ascriptivism of everyday language is demonstrated. Thus, for example, the analyzed expression “the crime that Bill committed” can be both the phrase of the language of law and of everyday language depending on the context of its usage. Hart’s conception gives an impression that only expressions of the language of law have such qualities as ascriptivism and cancellation. On the example of goal scoring in football, ascriptivism and cancellation in everyday language are demonstrated. Ascriptivism of language represents another, different to the reference, way to connect language and reality. While descriptions point at a certain object, that is refer to it, ascriptive expressions construct ontology ascribing a certain status to an object thus introducing a new object. Such objects as crime, goal and offside do not exist outside the practice of language. For example, having a good reason, circumstances when during the game the ball crosses the line of the gate can be qualified as a goal. However, in the situation of a foul, circumstances when the ball crosses the line of the gate will not be qualified as a goal.

References

1. Stroll, A. (2001) *Twentieth-Century Analytic Philosophy*. New York: Columbia University Press.
2. Quine, W.V.O. (1960) *Word and Object*. Cambridge: MIT Press.
3. Russel, B. (2009) *Ob oboznachenii: Izbrannye trudy* [About the designation: Selected Works]. Translated from English by V.A. Surovtsev, V.V. Tselishchev. Novosibirsk: Sib. univ. izd-vo.
4. Donnellan, K.S. (1966) Reference and Definite Descriptions. *The Philosophical Review*. 75(3). pp. 281–304.
5. Borisov, E.V. (2014) Referential use of definite descriptions: semantic and pragmatic approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(16). pp. 18–25. (In Russian).
6. Hart, G.L.A. (2014) Pripisyvanie otvetstvennosti i prav [Attribution of responsibility and rights]. In: Kasatkin, S.N. *Kak opredelyat' sotsial'nye ponyatiya? Kontseptsiya askriptivizma i otmenyayemosti yuridicheskogo yazyka Gerberta Kharta* [How to define social concepts? The concept of ascriptivism and revocability of the legal language of Herbert Hart]. Samara: Samara Academy for the Humanities. pp. 343–367.
7. Hart, G.L.A. (2007) *Ponyatie prava* [The concept of law]. Translated from English by E.V. Afonasin, S.V. Moiseev. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
8. Kaplan, D. (1989) “Demonstratives”, *Themes from Kaplan*. Oxford University Press.
9. Perry, J. (1998) Indexicals, Contexts and Unarticulated Constituents. In: Aliseda, A., Glabbeek, R. van & Westerstahl, D. (eds) *Computing Natural Language*. CSLI Publications.
10. Makeeva, L.B. (2010) Nekotorye soobrazheniya o svyazi mezhdru referentsiey i ontologией [Some considerations on the relationship between reference and ontology]. *Epistemology & Philosophy of Science*. 3 [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-soobrazheniya-o-svyazi-mezhdru-referentsiey-i-ontologiy> (Accessed: 14th August 2019).